

Г. Мовчан,
Я. Федоров

СВОЙ СРЕДИ СВОИХ*

Шестнадцать лет прошло со дня кончины Евгения Михайловича Шиллинга. Он не дожил нескольких месяцев до своего шестидесятилетия; более половины жизни отдано им изучению народов Кавказа. Представитель одной из самых гуманных наук – этнографии, предмет которой – общественные и семейные отношения, материальная и духовная культура народов, Шиллинг сам отличался глубокой человечностью и не был сторонним наблюдателем, бесстрастно фиксирующим явления.

Куда бы он ни приехал – в Абхазию или Адыгею, в Грузию или Дагестан, – Евгений Михайлович всюду чувствовал себя не чужаком-пришельцем и даже не гостем. В самом глухом ауле, где и по-русски мало кто мог с ним изъясняться, он был своим среди своих, и в этом коренится несомненный успех его полевых исследований. Другим качеством, в высокой степени присущим Евгению Михайловичу, было умение всесторонне и глубоко проникать в мелочи быта, хозяйства, в интимные стороны характера горца. Он никогда не отправлялся в путь, не изучив досконально все, что имело или могло иметь отношение к предмету исследования. Вот почему, прибыв в любой уголок Кавказа, Евгений Михайлович без труда ориентировался в новой для него обстановке и умел вызвать на доверительную беседу своих информаторов.

Шиллинг совершил более тридцати научных поездок по Кавказу, возглавил несколько крупных этнографических экспедиций. Большой, разносторонний материал лег в основу ярких исследований по вопросам материальной и духовной культуры кавказских народов. Многие из этих исследований опубликованы, многие хранятся в рукописных фондах научных учреждений: в Институте этнографии Академии наук СССР, Музее антропологии и этнографии в Ленинграде, в Дагестанском краеведческом музее. Материалы, собранные Шиллингом, уникальны, ибо многое из того, что ему удалось зафиксировать во время поездок по Кавказу, безвозвратно ушло в прошлое. Эти материалы нашли отражение в этнографическом очерке, написанном в результате поездки в Гудаутскую Абхазию в 1925 году, очерке по истории земледельческих культов Дагестана, в работах, посвященных художественным промыслам и изобразительному искусству Дагестана.

Венцом исследовательского искусства и творческой мысли Евгения Михайловича, бесспорно, явилась монография, посвященная кубачинцам, их культуре, особенностям общественных отношений. В этой работе, скромно названной автором «Историко-этнографическими этюдами», Евгений Михайлович показал во всем блеске свои незаурядные способности историка-искусствоведа и проникновенного социолога.

Впервые в искусствоведческой литературе ему удалось раскрыть семантику элементов кубачинского орнамента, исчерпывающе проанализировать технологические приемы кубачинских мастеров, раскрыть выработанные многими поколениями композиционные принципы «тутта» и «мархарай». Исследователь не только показал истоки творческой фантазии златокузнецов, их тонкий вкус и выдумку, но и выявил динамичность, присущую кубачинскому искусству, чуждому по самой своей сущности застывшим, окостенелым формам. Исследования Шиллинга, по сути дела, открыли заново и в новом аспекте всемирно известное искусство кубачинских мастеров.

Другое крупнейшее открытие Шиллинга относится к области пережитков общественных отношений, сохранившихся у кубачинцев до сравнительно недавнего времени. Он исследовал такое необычное явление, как «Союз неженатых», связанных с пережитками матриархата. На основе тщательно собранных непосредственно в Кубачи и многократно проверенных сообщений Евгению Михайловичу удалось выявить принципы и характерные особенности этой своеобразной организации, а также ее варианты, восстановить ее церемонии и ритуалы, показать влияние «Союза» на общественную жизнь аула. Исследователь выявил наиболее архаичные черты организации и доказал, что ее корни уходят в глубь доклассового общества. Изучение мужских союзов, естественно, привело Шиллинга к разработке вопросов, связанных с пережиточными организациями женских союзов, отражающих реликты матриархальных отношений у кубачинцев.

* Статья перепечатана из журнала «Советский Дагестан». 1970. № 3. С. 74–76.

Открытия, сделанные Шиллингом во время изучения кубачинской культуры, – неоценимый вклад не только в дагестановедение, но и в этнографическую науку в целом, так как вопросы методологии исследования, разработанные им, основаны не на абстрактных умозаключениях, а на конкретном и, подчеркиваем, уникальном полевом материале.

Вряд ли будет преувеличением, если мы скажем, что именно Шиллинг был зачинателем планомерного, основанного на современной методике, этнографического изучения Дагестана. Конечно, свои работы Евгений Михайлович начал не на пустом месте: у него были предшественники, такие крупные ученые, как М.М. Ковалевский, В.Ф. Миллер и другие; но предшественники Шиллинга либо ставили себе заранее ограниченные задачи в области народного искусства, языкознания, материальной культуры, либо занимались специально вопросами общественных и семейных отношений, соответственно с выдвигаемыми этими учеными теориями. Далеко не все работы дореволюционных ученых выдержали проверку временем, многие из них не отвечают требованиям современной методологии, особенно в области социальных и экономических явлений. С этой точки зрения Шиллингу принадлежит несомненный приоритет в области этнографического изучения Дагестана, и не только всевозможных «пережитков», но и современного развития материальной и духовной культуры народов Страны гор в широком историческом аспекте. Занимаясь, например, вопросами пережиточных форм мужских союзов в Кубачи, Евгений Михайлович сумел разглядеть классовую сущность этой организации в условиях социально-экономических отношений, господствовавших в Дагестане в дореволюционное время.

Карта Дагестана исчерчена хребтами, реками, ущельями. Трудно найти на этой карте место, где бы Шиллинг не побывал хотя бы проездом. Его видели в самых глухих и отдаленных районах республики, куда и сейчас не так легко добраться; а ведь в те годы, когда Евгений Михайлович путешествовал по Дагестану, еще не было ни рейсовых автобусов, ни самолетов, которые нынче связывают Махачкалу с самыми недоступными селениями. Тогда, двадцать с лишним лет тому назад (в конце 40-х и самом начале 50-х годов XX в. – Ред.), Евгения Михайловича можно было встретить и в кузове случайной попутной машины, и в седле, и на выюке ишака, а подчас он путешествовал пешком, пробираясь к прилепившимся на скалах аулам, где до него, можно поручиться, «не ступала нога ученого».

Шиллинг любил свою работу. Меньше всего она была для него обязанностью: он был предан основному делу своей жизни всем сердцем. Будучи человеком восприимчивым и расположенным к людям, он относился с подлинным уважением и любовью к изучаемым им народам, ко всем тем, кто помогал ему. Это подтвердит каждый, кто испытал радость совместной работы с Евгением Михайловичем.

В течение длительной и в те годы (1944–1946) довольно тяжелой полевой работы, продолжавшейся без отдыха иногда по три с половиной месяца, этот человек, с виду хрупкий, а в последние годы уже тяжело больной, не знал усталости. Он был чрезвычайно вынослив и неприхотлив; силы давал ему прежде всего неиссякаемый интерес к предмету изучения.

К собираемым сведениям Евгений Михайлович относился с чрезвычайной осторожностью. Он всегда стремился на месте же тщательно проверить сообщаемые информаторами факты и твердо обосновать свои выводы. Он старался побеседовать со всеми знающими людьми аула, с тем чтобы, по возможности, избежать односторонней информации. Понаслышке зная уже о характере Евгения Михайловича и уверенные в том, что их рассказы попадут в хорошие руки, люди шли к нему с большой охотой. В накуренной комнате беседы и жаркие споры продолжались порой до глубокой ночи, когда остальные члены экспедиции, помоложе, уже давно спали рядом на полу. Евгений Михайлович был чужд предвзятых мнений и никогда не понуждал, не наталкивал своих собеседников на заранее ожидаемый ответ. Получаемые сведения он проверял перекрестным опросом, поощрял спор и записывал общее мнение.

Наряду с рассказами, которые Евгений Михайлович записывал со стенографической быстротой, пользуясь сокращениями слов, и таким почерком, что ни один человек не мог к сожалению, этих записей потом прочесть, источником для него служила, конечно, и вся материальная обстановка. Удивляла зоркость, с которой он, войдя в жилище или старую мечеть, сразу отыскивал самые интересные предметы, часто в куче хлама. Евгений Михайлович обладал отличным вкусом и редким пониманием искусства. Он умел выбрать для дальнейшей публикации отменные произведения искусства среди множества предметов художественного ремесла, которым так славится Кавказ. Как способен был Евгений Михайлович воспринимать и переживать искусство, показывает такой случай. В 1946 году в аварском ауле Тидиб нас ввели в полуразрушенный дом Хаду Гитине. Когда в темных помещениях стали вырисовываться

фантастические интерьеры с резьбой, Евгений Михайлович заплакал: а ведь он на своем веку повидал немало замечательных произведений народного искусства Кавказа. Не каждый способен на такое душевное движение. И что удивительно, ведь ни один из современных исследователей, видевших сходные интерьеры в Гидатле, ни словом о них не обмолвился.

Фактам Евгений Михайлович придавал основополагающее значение. Превосходно зная литературу, он не любил цитат и не любил опираться на чужие мысли и чужие выводы. Он прибегал к цитатам лишь в тех случаях, когда в них содержались те же факты, но отмеченные раньше. Сам же к обобщениям на основе наблюденного был способен в высшей степени. Сведения, на первый взгляд малозначащие, иногда случайные, в совокупности и сопоставлении давали ему материал для широких, смелых и новых сближений и выводов.

Работы Шиллинга, даже узкоспециальные, при чтении неизменно доставляют настоящее удовольствие. В них множество мыслей, высказанных не навязчиво, и читатель чувствует за ними прочный запас невысказанных знаний. Выражены эти мысли слогом красивым, легким, далеким от сухого академизма и канцелярских штампов. Таким языком написаны капитальная работа «Кубачинцы», превосходные монографические этюды об отдельных мелких народностях андо-цезской группы и многие другие статьи. Это работы человека большой культуры.

Последнее, о чем необходимо сказать для полной характеристики выдающегося кавказоведа, это его работа в музеях. В бытность свою научным сотрудником и ученым секретарем Музея народов СССР, Евгений Михайлович создал замечательный по содержанию и композиции отдел, посвященный народам Кавказа. Его экспозиция легла в основу современного отдела народов Кавказа Музея этнографии в Ленинграде.

Но, как опытного музейного работника, его знают не только в столицах: экспонаты, собранные Евгением Михайловичем, украшают витрины Музея народного искусства в Загорске, Краеведческого музея в Махачкале и других хранилищ Северного Кавказа и Закавказья. Эти экспонаты скрыты от глаз широкой публики, но доступны ученым, занимающимся материальной культурой народов Кавказа. Наверняка можно сказать, что многие из них помянули Шиллинга добрым словом, обнаружив в хранилищах уникальные образцы народного творчества, подробно и исчерпывающе описанные в приложенных к ним легендах.

Евгений Михайлович Шиллинг был большим ученым, тонким, глубоким исследователем. Но в памяти каждого, кто знал его, он остался и как человек редкой душевной цельности и чистоты, как истинный друг народов Дагестана.